

А.М.ПАШКОВ

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА В ТРУДАХ
А.С.ПРУГАВИНА 1879—1880 ГГ.**

Крупным исследователем старообрядчества на русском Севере был Александр Степанович Пругавин (1850—1920) (1). Он родился в Архангельске и был старшим сыном смотрителя народных училищ Архангельской губернии. По воспоминаниям самого А.С.Пругавина, его отец “с увлечением работал на поприще народного образования целых 45 лет, и — по общему убеждению, создал здесь (на севере) школу современного типа”. Юность А.С.Пругавина совпала с периодом подъёма революционно-демократического движения 1860-х годов. Позднее он вспоминал, что “рос и воспитывался под влиянием лиц, из которых некоторые впоследствии получили известность на разных поприщах общественной деятельности, как, например, Пав(ел) Плат(онович) Чубинский и А.И.Стронин” (2).

Это очень ценное свидетельство. Известно, что уроженец Полтавской губернии П.П.Чубинский (1839—1884) окончил в 1861 г. юридический факультет Петербургского университета, затем служил юристом в Киеве, а осенью 1862 г. был сослан в Архангельск за пропаганду произведений Т.Г.Шевченко. В 1863—1869 гг. П.П.Чубинский был секретарём Архангельского губернского статистического комитета. Кроме того, он заведовал Архангельской публичной библиотекой и редактировал неофициальную часть газеты “Архангельские губернские ведомости” (3). Среди краеведческих сочинений П.П.Чубинского необходимо отметить “Этнографический очерк Корелы”, посвящённый карельским волостям Кемского уезда, в котором много места уделялось характеристике старообрядчества в северной Карелии (4). Можно предположить, что интерес к северному старообрядчеству, его истории и вообще к краеведческому изучению русского Севера сформировался у А.С.Пругавина под влиянием П.П.Чубинского. Другой ссыльный,

упоминаемый в автобиографии А.С.Пругавина, Александр Иванович Стронин (1826—1889), известен как организатор воскресных школ и женской гимназии в Полтаве.

В сентябре 1869 г., по окончании архангельской гимназии, А.С.Пругавин поступил на учёбу в Петровскую земледельческую академию. Но его пребывание там длилось недолго. Позднее он писал, что в Петровской академии “прослушал 4 семестра, но курса не кончил”, так как был выслан на родину “за участие в студенческой истории”.

В одно время с А.С.Пругавиным, в августе 1869 г., в Москве появился приехавший из-за границы бывший вольнослушатель Петербургского университета С.Г.Нечаев. Вскоре ему удалось создать тайную революционную организацию, основанную на беспрекословном подчинении всех её членов воле руководителя и названную “Народная расправа”. Но против действий С.Г.Нечаева выступил один из членов “Народной расправы” студент Петровской земледельческой академии И.И.Иванов. Конфликт решился 21 ноября 1869 г., когда Нечаев застрелил Иванова из пистолета в гроте парка академии. Труп был вскоре найден. С.Г.Нечаеву удалось бежать за границу, а среди членов его организации и людей, знавших о её существовании, прошли массовые аресты (5).

Среди привлечённых к дознанию по нечаевскому делу “по подозрению в знании о тайном обществе” был и А.С.Пругавин. В мае 1871 г. судебное преследование в его отношении было прекращено, и по делу нечаевцев он выступал в качестве свидетеля. Но в это же время А.С.Пругавин продолжал активную антиправительственную деятельность. В середине 1870 г. он уже стоял во главе революционного кружка студентов Петровской академии, вёл пропаганду среди служителей академии, активно участвовал в деятельности общества “Самообразование и практическая деятельность”, где был членом издательской комиссии и отдела распространения.

В апреле 1871 г. А.С.Пругавина задерживают во время обыска на одной из квартир, исключают из академии и распоряжением министра внутренних дел от 18 апреля 1871 г. высылают под надзор полиции в Архангельскую губернию. Вероятно, к этому времени относится его воспоминание о том, что ему “однажды при-

шлось пройти по этапу от Петербурга до Архангельска с партией арестантов". С 13 мая А.С.Пругавина водворяют на жительство в Шенкурске, но затем переводят в Архангельск. В мае 1872 г. за ведение антиправительственной пропаганды среди местных семинаристов он переведён в Кемь. Сам А.С.Пругавин вспоминал, что поводом к высылке послужила первая в его жизни корреспонденция, опубликованная в газете "Новое время" (1872, №40), в которой говорилось "о печальном положении народного образования на севере и особенно о жалком состоянии архангельской духовной семинарии". Именно в Кемь началось его знакомство со старообрядчеством. Позднее А.С.Пругавин писал: "Здесь (в Архангельской губернии. — А.П.) мне пришлось прожить несколько лет в разных городах, между прочим в Кемь, который по справедливости может считаться главным центром поморского раскола, почти всё постоянное население этого города состоит из старообрядцев-беспоповцев. Горя желанием сойтись с народом, изучить его нужды, стремления и запросы, я не мог, разумеется, не обратить внимания на раскол, который в жизни крайнего севера с давнего времени играет весьма важную роль, оказывая огромное влияние на весь склад и строй народной жизни. Живя в Кемь, Архангельске и других городах крайнего севера, я имел полную возможность лично знакомиться с представителями разных сект, бывать на их собраниях и собеседованиях, посещать их скиты, изучать различные рукописи, распространённые в их среде и т. д."

В Кемь А.С.Пругавин находился до осени 1872 г., а оттуда по распоряжению министра внутренних дел от 15 сентября переведён по болезни под надзор полиции в Воронеж. По прибытии в Воронеж А.С.Пругавин организовал революционный кружок и продолжал вести антиправительственную пропаганду, за что в конце 1873 г. был перемещён в небольшой город Воронежской губернии Коротояк, где поступил на службу в земскую управу. В 1873—1874 гг. он находился в переписке со многими деятелями "хождения в народ". Из-за "политической неблагонадёжности" по распоряжению министра внутренних дел А.С.Пругавин снова был перемещён под надзор полиции в Архангельскую губернию. С 20 августа 1877 г. его опять "водворили" в Архангельске, где он поступил на службу в местное воинское присутствие. К этому времени относится его первая заметка, посвящённая старообрядче-

ству, “Знаем ли мы раскол?”, которая была опубликована под многозначительным псевдонимом Борецкий в газете либерально-народнического направления “Неделя” (6). Распоряжением министра внутренних дел от 4 февраля 1879 г. А.С.Пругавин был освобождён от надзора.

В 1879 г. началась активная деятельность А.С.Пругавина по изучению старообрядчества. Позднее он вспоминал: “Я немедленно же воспользовался свободой и отправился в Петербург, чтобы занятиями в тамошних библиотеках пополнить пробелы моего образования и затем возможно полнее ознакомиться с литературой вопроса о расколе и сектантстве.”

Одновременно А.С.Пругавин продолжал публиковать в столичных газетах свои корреспонденции о состоянии старообрядчества в Архангельской губернии. В газете “Неделя” была помещена его заметка “Староверческие скиты” (7), в которой на примере Выговских и Топозерского скитов анализировались роль и значение старообрядческих скитов, описывалось их разорение в начале 1850-х годов. Подробно он рассказал и о разгроме Амбургского скита в окрестностях Архангельска. Амбургский старообрядческий скит находился в 47 верстах от Архангельска и считался “одним из древнейших в этом крае”. В 1877 г. там имелось 24 кельи, в которых проживало 8 стариков и 30 старух. Весной 1879 г. по доносу местного священника, сделанному из-за отказа дать ему взятку, полиция разгромила Амбургский скит. Большинство престарелых обитателей скита было выселено, причём одна престарелая скитница в результате этого умерла. Многие старики и старухи из разорённого скита просили милостыню на улицах Архангельска. После этого, в феврале 1880 г., полиция вновь нагрянула в скит и разрушила 9 келий. А.С.Пругавин посетил скит летом 1879 г., лично выслушал рассказы уцелевших старообрядцев и попытался защитить их единственно доступным ему способом, привлекая через газеты внимание общественности к этому происшествию. Ему удалось опубликовать заметки о случившемся в газетах “Неделя” и “Голос” (8). На этом примере видно, что для А.С.Пругавина изучение старообрядчества переплеталось с активной защитой старообрядцев от произвола местных властей. Сам он писал позднее об этих событиях: “Как раз около этого времени в Архангельской губернии был произведён разгром нескольких старооб-

рядческих скитов, сопровождавшийся возмутительными сценами насилия и произвола местных низших властей. Об этом я напечатал ряд писем в "Голосе" и "Неделе".

Другой причиной появления газетных публикаций А.С.Пругавина о старообрядцах стало его стремление сформировать общественное мнение и повлиять на принятие готовившихся тогда правительственных решений по этому вопросу. Сам автор объяснял причину их появления так: "В обществе и печати в это время циркулировало множество слухов о том, что в правительственных сферах вырабатываются правила, имеющие целью дать разные облегчения старообрядцам и последователям некоторых других менее вредных сект. Эти слухи и толки в связи с появившимися известиями о преследованиях и притеснениях старообрядцев и сектантов заставили меня написать ряд статей по поводу общественного положения последователей различных сект в России. Статьи эти были напечатаны в "Голосе" в течение 1879, 1880 и 1881 годов".

В ноябре 1879 г. в газете "Голос", которая в 1870-е годы была одной из наиболее влиятельных оппозиционных газет либеральной направленности, была напечатана анонимная корреспонденция из Архангельска (9) присланная, вероятно, А.С.Пругавиным. Это можно заключить из того, что его собственная статья, появившаяся вслед за анонимной, являлась её расширенной версией, то есть была написана теми же фразами и оборотами и в той же тональности (10). В них давалась высокая оценка значения старообрядчества в истории русского народа и роли Севера в истории старообрядчества: "Раскол, без сомнения, представляет одно из самых ярких и выдающихся явлений народной жизни, имеющих громадное влияние на весь умственный и нравственный её склад, не остающихся без значения и на её экономической стороне. Как известно, Север играл значительную роль в развитии раскола: здесь раскол оказал упорное сопротивление, с оружием в руках, исправлению старопечатных книг (соловецкий бунт); отсюда вышли многие из самых энергических расколоучителей; здесь некоторые из них окончили свою длинную юдоль, и, наконец, здесь значительная масса населения придерживается старой веры; среди неё живы предания о почитаемых ею первых расколоучителях, окончивших своё земное странствие в тундрах и льдах Севера".

Затем автор подверг критике современное состояние изучения

раскола на Севере: “Между тем мы не имеем решительно никаких местных исследований о характере здешнего раскола и влиянии его на различные сферы народной деятельности. Есть, правда, одно или два исследования членов местного духовенства, но, будучи по характеру полемическими и направленными на одну сторону, они не могут служить к выяснению всего значения раскола”.

И, наконец, основная часть заметки посвящена неудачной попытке А.С.Пругавина провести исследование состояния старообрядчества в Архангельской губернии: “Недавно у нас сделана попытка к всестороннему изучению раскола и выяснению его влияния на нравственную, умственную и экономическую стороны жизни народной — попытка, исходившая со стороны частного лица, не принадлежавшего к составу духовенства, и окончившаяся неудачей. Здешний уроженец А.С.Пругавин, хорошо знакомый с литературою раскола и избравший специальностью его изучение, представил Архангельскому статистическому комитету записку о необходимости тщательного изучения раскола и его влияния на различные отправления народной деятельности, изложив при этом цельную программу собирания сведений по интересующему его предмету. Выяснив, что мы не знаем и почти совершенно не знакомы с расколом, характером его вероучений и влиянием их на народную деятельность, автор записки приводит в подтверждение тот факт, что мы не имеем даже никаких определённых и положительных сведений о числе уклонившихся из лоно православия...” В заметке приведены примеры противоречивости данных о численности старообрядцев в Архангельской губернии. Так, в 1865 г. духовное ведомство насчитало в губернии 3831 старообрядца, полиция — 14421, а перепись статистического комитета — 22571 (10% всего населения). Причём “бывший секретарь статистического комитета П.П.Чубинский, собирая лично на месте статистические сведения о быте корелов, населяющих Кемский уезд, насчитал здесь 7116 раскольников”. А.С.Пругавин цитировал также мнение, высказанное в статье бывшего ректора архангельской духовной семинарии Доната “О характере раскола в Архангельской губернии:”, о том, что “почти треть населения губернии живёт убеждениями раскола” и кроме 4428 официально признанных “раскольников”, по крайней мере 90 тысяч человек, “не признанных официально, преданы расколу”.

Подготовленная А.С.Пругавиным программа “собирания сведений о характере и распространении раскола” содержала 39 пунктов. Однако, как пишет автор корреспонденции, “статистический комитет, не входя ни в какие рассуждения, отклонил эту программу, и автору её остались совершенно неизвестными мотивы неприятия его записки”.

Таким образом, начало активной работы А.С.Пругавина по изучению раскола относится к 1879 г., когда он был освобождён от полицейского надзора. Нужно также учесть, что это было время второй революционной ситуации, когда происходил подъём оппозиционного общественного движения в стране. Действительно, инициатива А.С.Пругавина по изучению старообрядчества носила оппозиционную направленность и именно поэтому не была поддержана архангельским статистическим комитетом. Недоверие чиновников вызывала и личность самого А.С.Пругавина, ещё недавно присланного в Архангельск по этапу в ссылку под надзор полиции. На примере этой краеведческой инициативы А.С.Пругавина можно сделать вывод о зарождении на русском Севере в конце 1870-х годов краеведческих исследований оппозиционной направленности.

Потерпев неудачу в Архангельске, А.С.Пругавин решил выехать в Петербург и предложить свою программу на рассмотрение Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО). Его выступление “О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства” было прочитано на заседании этнографического отделения ИРГО 30 апреля 1880 г. (11) и получило большой общественный резонанс. Известно, что поддержку А.С.Пругавину в его изысканиях оказал секретарь отделения этнографии ИРГО В.Н.Майнов. Сам А.С.Пругавин отмечал, что его “Проект программы для собирания сведений о современном состоянии русского раскола или сектантства” отделение этнографии встретило “сочувственно” и было принято решение отпечатать его и разослать всем членам этнографического отдела и “знатокам раскола”, чтобы они “доставили в общество свои замечания и заключения по поводу этого проекта”. Заметки об этом выступлении поместили многие газеты (12). Вскоре программа А.С.Пругавина была опубликована в журнале “Русская мысль” (13).

Расширенная “Программа для собирания сведений о русском

расколе или сектантстве" состояла из 7 разделов и 120 вопросов. Первый раздел, "Общий характер сект и распространённость их в изучаемом районе", состоял из 12 вопросов, второй, "Догматическая сторона сектантских учений" — из 19 вопросов. В третьем разделе, "Внутренний строй сектантских общин в связи с их экономическим бытом", (30 вопросов) есть примечание, что "в Архангельской губернии почти все скиты, из числа сохранившихся до настоящего времени, служат теперь чем-то вроде богаделен, где находят приют больные, престарелые, хворые и т.д." Таким образом, А.С.Пругавин зафиксировал, что старообрядческие скиты на Севере в тот период играли роль мирских богаделен, а само старообрядчество стремительно старело.

Четвертый раздел программы А.С.Пругавина, "Семейный и домашний быт сектантов", состоит из 120 вопросов и содержит информацию, полученную автором от И.А.Протопопова: "... среди беспоповцев, живущих в Архангельской губернии, в Койденской волости Мезенского уезда... можно встретить огромные дома в 10—12 окон, населённые несколькими многолюдными родственными семьями, мирно уживающимися под одною крышею".

В пятом разделе, "Умственное и нравственное развитие сектантов", (15 вопросов) приведены личные наблюдения А.С.Пругавина над жизнью и бытом северных старообрядцев: "В Кемском уезде Архангельской губернии нам удалось наблюдать, что местные старообрядцы до сих пор отказываются отдавать в школы своих детей, пока последние обязывались слушать в них Закон Божий наравне с православными. Но как только дети старообрядцев были избавлены от посещения уроков Закона Божия, они немедленно же начали в большом количестве посещать школы". Там же помещены и сведения, почерпнутые автором от некоего "господина Усердова" из Архангельска: "По уставу известного Топозерского скита кража, вынужденная нуждою, не считалась преступлением и не подлежала никакому наказанию". Последнее замечание показательным тем, что отражает негативное отношение к "священному" буржуазному праву частной собственности у радикальной части старообрядцев. А такое отношение, в свою очередь, делало их взгляды близкими к идеологии революционеров-народников.

Шестой раздел, "Отношение сектантов к правительству, духо-

венству и остальному населению. Взаимные отношения различных сект между собою", содержал 17 вопросов и был наиболее неприемлемым для духовных и светских властей. В этом разделе содержались сведения о низком авторитете православного духовенства среди крестьянского населения северной России: "В северных и северо-восточных губерниях чрезвычайно распространены, например, следующие пословицы: "не бежим церкви, а бежим священников", "попят многие, а попов мало", "церковь не в брёвнах, а в рёбрах", "поп что ни говорит, а всё в карман глядит".

Последний, седьмой, раздел тоже был посвящён острой социальной проблематике — "Борьба с сектантством. Миссионерство. Единоверие" (16 вопросов). А.С.Пругавин отметил, что усиление влияния старообрядчества происходит в период тяжелых бедствий: "Разные народные бедствия, вроде неурожая, голода и т.п., обыкновенно непосредственно влекут за собой усиление раскола. Известный голод 1867 г., постигший весь север России, чрезвычайно много способствовал развитию раскола, это факт, который подтверждают как местные миссионеры и священники, так и вообще все лица, имевшие случай делать наблюдения над состоянием местного сектантства". Таким образом, к началу 1880 г. интерес А.С.Пругавина к изучению старообрядчества не только уже сформировался, но и дал первые результаты. Он подготовил обстоятельную программу изучения старообрядчества и собрал большой и разнообразный материал, включавший и сведения о состоянии старообрядчества на севере России.

После выступления на заседании этнографического отделения ИРГО осенью 1880 г. А.С.Пругавин выступил на эту же тему на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ОЛЕАЭ) при Московском университете, где им был прочитан реферат "О значении раскола сектантства и о необходимости тщательного изучения этого вопроса". Это общество также выразило готовность заняться сбором сведений о состоянии "раскола". Выступление А.С.Пругавина в ОЛЕАЭ также было замечено газетами (14).

Можно сделать вывод, что старообрядчество интересовало А.С.Пругавина как массовое народное движение, оппозиционное существующему строю. Эти взгляды А.С.Пругавина основывались на народнической идеологии с её идеями служения народу и прежде

всего крестьянству, защите его интересов, демократизмом, социалистическими иллюзиями и социальным освобождением. Не случайно, что кроме А.С.Пругавина многие видные народники были авторами работ о старообрядчестве, проникнутых горячей симпатией к этому религиозному движению (Н.А.Щапов, Н.А.Аристов, Я.В.Абрамов, В.В.Андреев и др.). Так, в 1881 г. появилась работа быстро эволюционировавшего к либеральному народничеству И.И.Каблица (под псевдонимом И.Юзов) "Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане" (15). При этом народники - "расколоведы", находясь в плену собственных идеологических представлений, допускали два крупных методологических просчёта. Во-первых, они преувеличивали силу и стойкость старообрядчества, хотя именно в это время, в пореформенный период, под влиянием развития рыночных отношений происходило уменьшение численности, ослабление идейной стойкости старообрядцев (16). Во-вторых, народники идеализировали старообрядцев и их мировоззрение, преувеличивали их оппозиционность. Старообрядцы были консервативной силой, и все попытки вовлечь их в революционное движение (В.И.Кельсиев, В.Д.Бонч-Бруевич) провалились. Более того, близкое знакомство со старообрядцами, их жизненным укладом и духовными ценностями оказывало большое влияние на самих исследователей. Так, один из крупнейших дореволюционных исследователей старообрядчества А.С.Пругавин проделал сложную идейную эволюцию от участия в тайных народнических кружках в 1870-е годы до участия в гражданской войне в Сибири в 1918—1920 гг. на стороне Белой армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Биографические сведения об А.С.Пругавине см.: Деятели революционного движения в России. Т.2: Семидесятые годы. Вып.3 / Сост. А.А.Шилов, М.Г.Карнаухова. М., 1931. С.1276—1277; Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А.Брокгауз (Лейпциг), И.А.Ефрон (С.-Петербург). Т.25а. СПб., 1898. С.591; Большая энциклопедия / Под ред. С.Н.Южакова. Т.15. С.721; Энциклопедический Словарь Русского библиографического института Гранат. Т.33. С.614—615; Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911. С.233; Русские ведомости. 1863—1913: Сб.статей. М., 1913. Отд.2: Сотрудники "Русских

ведомостей" / Сост. А.Н.Максимов. С.141—142; Апетекман О.В. Московские революционные кружки. А.С.Пругавин на заре своей деятельности // Русское прошлое. Пг.; М.,1923. Т.1. С.43—57 и др. издания.

2. Отдел рукописей Института русской литературы. Ф.377. Оп.1. Д.2282. Л.1.

3. Подробнее о П.П.Чубинском см.: Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Архангельск,1990. С.106.

4. Чубинский П.П. Этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Кн.2. Архангельск,1866. С.65—136.

5. Подробнее о С.Г.Нечаеве и нечаевщине см.: Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М.,1976. С.246—284.

6. Борецкий А.С. Знаем ли мы раскол? // Неделя. 1877. №49—50.

7. Пругавин А.С. Староверческие скиты (по поводу одного частного случая) // Неделя. 1879. №38.

8. Архангельский уезд, 24 февраля // Голос. 1880. №64.

9. Архангельск, 22 октября // Голос. 1879. №305.

10. Пругавин А. Изучение раскола // Голос. 1880. №51.

11. Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства // Известия ИРГО. 1880. Вып.3.

12. Голос. 1880. №121; Молва.1880. №120; Новое время. 1880. №1504; Берег. 1880. №47; С.-Петербургские ведомости. 1880. №120.

13. Пругавин А.С. Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве // Русская мысль. 1881. №3. 2-я паг. С.23—42 (отдельное издание: М.,1881).

14. Отчёт о заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором А.С.Пругавиным был прочитан реферат о значении раскола сектантства и необходимости тщательного изучения этого вопроса // Русский курьер. 1880. №342; то же // Русские ведомости. 1880. №319.

15. Юзов И. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб.,1881.

16. Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.,1996. С.199—202.